

УДК 327

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ ПОНЯТИЯ
«ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»**

Хомич И.И.

***Аннотация.** В статье излагаются результаты исследования проблемы определения критериев понятия «цивилизационная революция». Актуальность работы определяется происходящим на современном этапе исторического развития процессом трансформации индивидуальной и коллективной идентичности, одной из радикальных форм которой выступает «цивилизационная революция», а также тем, что в условиях становления многополярного мира насильственные формы ломки цивилизационной идентичности выступают в качестве одной из форм противостояния государств в борьбе за мировое господство.*

***Ключевые слова:** цивилизация, цивилизационная революция, цивилизационная идентичность, цивилизационная матрица, цивилизационный проект*

В современном мире, с его гибридными методами ведения войны, напряженным противостоянием в информационном пространстве, попытками переписать историческую память народов и переформатировать сознание массового человека, под ударом оказывается индивидуальная и коллективная идентичность человека, включая ее цивилизационный уровень. В широком смысле под «цивилизационной идентичностью» принято понимать процесс осознания человеком или группой лиц своей принадлежности к определенному культурно-историческому организму в его высшей форме проявления, а также в рамках выполняемых им ролей и социально-психологических состояний.

Осознание же собственной «цивилизационной идентичности» является не только одним из условий существования культурно-исторического организма в качестве самостоятельной единицы международных отношений, оно также выступает необходимым компонентом для полноценного развития культурно-исторического организма в исторической динамике. Позитивная «цивилизационная идентичность», связывающая прошлое, настоящее и будущее в единый комплекс, способна обеспечить культурно-историческому организму развитие, эффективное решение стоящих перед ним проблем и задач. И наоборот, кризис «цивилизационной идентичности» неизбежно ведет культурно-исторический организм к деградации и смерти.

Одной из форм трансформации «цивилизационной идентичности», способной привести к размытию и кризису идентичности, является насильственная ломка цивилизационного проекта, получившая название «цивилизационной революции».

Понятие «цивилизационная революция» до сих пор слабо отрефлектировано научным сообществом, что во многом связано с многозначностью самого термина «цивилизация» и неопределенностью критериев «цивизованности». Тем не менее, несмотря на недостаточную разработанность феномена «цивилизационной революции», современные вызовы все чаще вынуждают нас обращаться к цивилизационной теории для осмысления текущих исторических процессов.

Так, в условиях становления многополярного мира исследование феномена «цивилизационной революции» приобретает особую актуальность, потому что на современном этапе исторического развития насильственная ломка идентичности, выступает в качестве одной из распространенных форм противостояния государств и их блоков в борьбе за мировое господство. Подтверждением тому могут служить недавние события, связанные, например, с украинским кризисом, который ярче всего проявился осенью 2013–весной 2014 года, или события, имевшие место в Белоруссии летом 2020 года: в обоих случаях прослеживается использование инструментов геополитической борьбы, направленных на насильственную смену цивилизационного уклада и продвижение принципиально нового цивилизационного проекта.

Исходя из вышесказанного, представляется целесообразной постановка проблемы определения критериев понятия «цивилизационная революция», как одного из возможных проявлений насильственной смены «цивилизационной идентичности», а также определение места и роли данного явления в глобальном политическом процессе, анализ его структурных компонентов, что является целью данной статьи.

«Цивилизационная революция» – насильственный процесс трансформации цивилизационной идентичности, смены образа (уклада) жизни, вызванный непреодолимым внутренним разрывом культурно-исторического организма и связанный с выдвиганием и реализацией новой модели развития (цивилизационного проекта)» [1, с. 121]. В этом смысле, говоря о критериях «цивилизационной революции», в первую очередь необходимо раскрыть содержание «цивилизационной идентичности», трансформация которой и лежит в основе рассматриваемого явления.

Говоря о «цивилизационной идентичности», автор подразумевает определенный набор характеристик (структур), присущих каждой отдельно взятой цивилизации о составляющих ее цивилизационное ядро, которое также называют «менталитетом цивилизации» и, которое, в сущности, является главным признаком, отличающим одну цивилизацию от другой.

Достаточно глубокий анализ структурных компонентов цивилизации, факторов, составляющих идентичность того или иного цивилизационного проекта, приводит профессор О.В. Плебанек.

В попытке раскрыть содержание цивилизационного ядра и, используя для его описания термин «цивилизационная матрица», исследователь обращается к трудам представителей цивилизационной теории (Г.Т. Бокля, К. Виттфогеля, О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Данилевского, М. Вебера, Ф. Броделя и других), анализируя их взгляды на особенности цивилизационной динамики и обозначая важные компоненты (факторы) цивилизационной структуры: 1) географический фактор – влияние климата, пищи, почвы и окружающей природы на формирование цивилизации; 2) этнолингвистический фактор – влияние языка и этнического состава населения на

развитие цивилизации; 3) психологический фактор – заложенные в этносе особенности и склонности к какому-либо виду деятельности (как следствие географического фактора), осознание этносом самого себя и окружающего его мира через мифы и символы; 4) религиозный фактор – форма познания окружающего мира, социальных структур и выстраивание социальных отношений посредством религиозного культа, доминирующая в цивилизации религия и отношение к другим верованиям; 5) экономический фактор – сложившаяся система материальных отношений, форма обмена, укоренившиеся в цивилизации финансовые структуры; 6) политический фактор – устоявшаяся в рамках цивилизации форма государственного устройства, методы государственного управления, отношение к власти и т.д. [2].

Анализируя результаты цивилизационных исследований и обобщая приведенные выше компоненты (факторы) цивилизационной структуры, О.В. Плебанек определяет «цивилизационную матрицу» того или иного цивилизационного проекта в качестве конкретных когнитивных стереотипов, образующих ментальную целостность, объединяющих крупные популяции людей, и лежащие в основе всех важнейших сфер человеческой деятельности. Исследователь отмечает, что структурно «цивилизационную матрицу» составляют такие ключевые звенья как хозяйственный уклад, язык, письменность, система социальных отношений и форм общественного сознания, составляющие генотип цивилизации и оказывающие влияние на цивилизационную динамику. Стоит отметить, что этот перечень компонентов (факторов) цивилизационной структуры нельзя считать окончательным и завершенным: исследователи продолжают изучать феномен «цивилизации» и время от времени находят дополнительные основания для классификации содержания «цивилизационной матрицы» и/или корректируют уже существующие.

Говоря о «цивилизационной революции», необходимо обратить внимание и на революционную составляющую этого термина. Так, в широком смысле под революцией принято понимать глобальное преобразование в социально-экономической и политической сферах, зачастую осуществляемых с применением насильственных методов. Характерной чертой любой революции является непринятие действующего способа существования социального организма, стремление к радикальному изменению принятого уклада и установленных в нем общественных отношений. Обязательной составляющей революции является предшествующей ей кризис, то есть критическая масса накопившихся в отдельной взятой системе противоречий, которые не могут быть разрешены эволюционным путем, в привычных для этой системы формах и с помощью привычных методов. Как пишет по этому поводу П. А. Сорокин: «Революция означает смену в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Каждая революция знаменует собой изменение в биологическом составе населения, его воспроизводства и процессов отбора» [3, с. 1].

Другими словами, рассматривая «цивилизационную революцию» через призму классической теории революций, можно констатировать, что одним из критериев определения понятия «цивилизационная революция» является наличие в культурно-историческом организме цивилизационного кризиса: накопившихся неразрешимых противоречий, которые не могут быть разрешены в рамках существующей

«цивилизационной матрицы» привычными методами и которые провоцируют насильственную смену идентичности.

В качестве примеров трансформации «цивилизационной матрицы», произошедших в результате кризисов, можно привести следующие этапы исторического развития России: монгольское нашествие на Русь, реформы Петра Великого, Октябрьская революция и установление советской власти, ликвидация советского проекта и другие события отечественной истории и мировой истории. Однако не любая трансформация «цивилизационной матрицы», осуществленная в попытке преодоления кризиса, является «цивилизационной революцией», потому что кризис может быть преодолен и эволюционным путем.

Для наглядности различий между эволюцией и революцией, в рамках цивилизационной динамики, приведем примеры двух исторических событий, оставивших глубокий след в русской цивилизационной идентичности: нашествие монголов на Русь и петровские реформы.

Накануне монгольского нашествия государство Киевская Русь представляло собой достаточно аморфное политическое образование, столкнувшееся с системным кризисом: 1) главной задачей Руси было обеспечение торгового транзита по пути «из варяг в греки»; 2) правящий класс Киевского государства составляли этнически чуждые восточным славянам варяги; 3) на территории Восточно-Европейской равнины одновременно с Киевской Русью существовали и другие государственные образования – Хазарский каганат, Волжская Булгария, политические союзы кочевников – ничем не уступавшие, а в ряде случаев и превосходившие по силе Киевскую Русь; 4) вражда между собой княжеств и уделов Киевской Руси носила постоянный характер; 5) географически Россия представляет собой межконтинентальную евразийскую державу, а Киевское государство занимало лишь часть Восточно-Европейской равнины.

В силу указанных выше обстоятельств, по мнению многих исследователей, в частности Н.С. Трубецкого, Киевская Русь была обречена на скорый распад, что и произошло в канун монгольского нашествия. При этом само монгольское нашествие оказало серьезное влияние на русскую цивилизационную идентичность, в разной степени отразившись сразу на всех компонентах ее «цивилизационной матрицы». Монголы во многом способствовали формированию русского этноса в том виде, в котором он проявил себя на последующих этапах исторического развития России и которым он является сегодня. Как пишет профессор И.В. Кондаков, «монгольское нашествие глубоко и насильственно “истернизировало” русское общество, сделав ему так называемую прививку чисто азиатских цивилизационных черт» [4, с. 289].

Исследователь приводит в пример привитый монголами восточный деспотизм (русифицированный «ханат»), крепостной устав в качестве государственной правовой системы, баскачество кочевых народов в качестве экономической модели, синтез культурных черт азиатских народов и восточных славян киевского периода, новые этнолингвистические конструкции, мифы и знаки тюрко-монгольского происхождения. Кроме того, особое влияние на развитие Руси оказала монгольская веротерпимость и так называемая этническая толерантность, которая не только позволила сохраниться православной вере, но и породила такое явление как

«православный ренессанс». Монголы верили, что нужно поддерживать местных богов и освободили церковь от уплаты налогов, что дало дополнительный импульс развитию православия. Как отмечает Н.С. Трубецкой, монголы не навязывали русскому народу свои религиозные традиции, что в условиях внешней агрессии сплотило людей вокруг духовенства и повлияло на появление такого культурного явления как «бытовое исповедничество». Под этим термином ученый подразумевал взаимозависимость повседневной жизни людей и православного мироощущения: «Вера входила в быт, быт – в веру, оба сливались воедино в целостную систему «бытового исповедничества» [5, с. 33–78]. Из этого же явления, по мысли Трубецкого, вытекает государственная идеология Руси – царское самодержавие, характеризующее собой неразрывность связи царской власти и православной веры.

Вместе с тем монгольское нашествие оказало существенное влияние на становление самого территориального пространства будущей Московской Руси. Монголы наладили строгую иерархию среди русских князей и их подданных, вынудили их объединиться для принятия совместных решений и осуществления действий по их реализации. Как пишет В.К. Назаров, «территориальное единство будущего государства поддерживалось системой конных постов, находящихся строго на определенном расстоянии друг от друга. Так складывался абрис границ будущего государства» [6, с. 22]. Наряду с этим, после введения монголами денег в качестве главного платежного средства, создавалось единое экономическое пространство. Фактически, после монгольского нашествия Киевская Русь превратилась в новое государство – Московскую Русь, во многом построенную на принципах монгольских захватчиков. Вместе с политическими, экономическими, духовными и культурными аспектами жизни нашествие оказало влияние на менталитет русских людей, их отношение к миру, другим народам и к себе самим.

При всем при этом монгольское нашествие на русские земли не было «цивилизационной революцией»: русская цивилизационная матрица абсорбировала в себе особенности монголо-татарской культуры и быта, не заменив при этом уже существующие в ней цивилизационные компоненты на чужеродные. Монголы не прививали на Руси свой образ жизни и религиозные традиции, а основным принципом их политики было поддержание культурного многообразия среди завоеванных ими народов, которое выражалось в толерантном отношении к их традициям и верованиям. «Счастье Руси, – писал П.Н. Савицкий, – что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам и не кому другому. Татары – «нейтральная» культурная среда, принимавшая «всяческих богов» и терпевшая «любые культуры» пала на Русь, как наказание Божие, но не замутила чистого национального творчества. Если бы Русь досталась туркам, заразившимся «иранским фанатизмом и экзальтацией», ее испытание было бы многожды труднее и доля – горше. Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу... Татары не изменили духовного существа России» [7, с. 333]. И действительно, благодаря православной идеологии славянские племена северо-востока Киевской Руси не постигла судьба тех народов, которые были ассимилированы татаро-монголами (например, волжские булгары), или литовцами, поляками и венграми (славянские племена, жившие на территории Галицко-Волынского княжества).

В этом смысле падение Киевской Руси и завоевание ее монголами, с одной стороны, и религиозный взлет, выразившийся в православном ренессансе, с другой – повлияли на интеграцию живших в северо-восточной части Киевской Руси славянских племен в русский этнос, обусловили эволюционное преодоление сложившегося кризиса и последующее формирование Московской Руси, внося в бытность русского человека определенные татарские культурные коды, но не изменив ядро русской «цивилизационной матрицы».

Противоположный монголо-татарскому нашествию пример трансформации русской цивилизационной идентичности наблюдается в эпоху так называемых петровских реформ. В этом случае преодоление кризиса русской цивилизации происходило не эволюционным, а революционным путем. Главной причиной петровских реформ стало нарастающее несоответствие социально-политической структуры и традиций Московской Руси, сложившихся в XV–XVI веках, уже во время освобождения от ордынской зависимости и становления самостоятельного государства. Допетровская Россия по всем основным показателям уступала более развитым странам Запада: 1) сельское хозяйство, основанное на крепостническом труде, было отсталым; 2) российская промышленность по объему и техническому оснащению уступала западноевропейским странам; 3) у России не было современной армии и флота; 4) российское войско состояло из отсталого дворянского ополчения и стрельцов, плохо обученных и вооруженных; 5) не было в России светского образования; 6) не было условий для развития науки и внедрения научных достижений.

Все эти факторы представляли собой достаточно серьезную опасность для национальной независимости страны и привели к тому, что не оставили стране времени на постепенное, эволюционное развитие. В этом смысле исторический опыт, например, Османской империи наглядно демонстрирует, что системный кризис государства не может быть разрешен путем умеренных и медленных реформ, даже если они носят модернизационный характер. В попытках найти выход из сложившейся ситуации Петр Великий насильственно трансформировал русский социокультурный организм, заменив компоненты русской цивилизационной матрицы теми, которые существовали в соседних европейских государствах. Как писал по этому поводу Н.Я. Данилевский, «во времена Петра Россия была больна европейничаньем, происходило искажение народного быта и замена его иностранными формами, происходило заимствование иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву, государство смотрело на внутренние и внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной точки зрения» [8].

С петровскими реформами стройная философская система, объединявшая в единое целое религию, культуру, быт, экономику и государственный строй, на которой держалась жизнь Московской Руси, стала постепенно размываться и трансформироваться в новую форму под влиянием так называемой «модернизации». В реализации последней Петр видел спасение для России, позволяющее сохранить независимость государства и занять достойное место среди равных впереди европейских держав. Начался процесс реконструкции всех сторон общественной жизни, который продлился до XX века и изменил русскую цивилизационную

идентичность. Реформы затронули церковь, которая во многом выступала сдерживающим фактором в реализации амбициозных планов императора и, как следствие, церковь была подчинена государству (ликвидация патриаршества и создание синодального строя). Под влиянием хлынувших в Россию западных идей произошла постепенная рационализация сознания и секуляризация образования, что привело к переходу функции просвещения от духовенства к государству. На этом же фоне развивалась религиозная терпимость и свобода совести, спровоцировавшие отход от идеи сакрального и божественного характера российской власти, которые были фундаментальными для предыдущего периода. В дальнейшем отношение к иноверцам стало таким лояльным, что духовные поиски русской интеллигенции нашли отражение в масонстве, которое пришло в Россию из Европы в элементах протестантизма.

Вместе с тем реформы Петра характеризовались насаждением иностранной культуры (науки и всех видов искусств), реализуемой путем насильственного приобщения русского этноса к ценностям передовых стран Западной Европы. Как пишет В.О. Ключевский, вслед за Петром в 1698 году в Россию наехала пестрая толпа всевозможных художников, мастеров и ремесленников, которых император за границей пригласил на свою службу» [9, с. 101]. Благодаря этому в России сформировалась новая система ценностей, причем это не был переход на европейский путь развития в его традиционном смысле, общество просто расколосось на два слоя, отличавшихся языком (немецкий или французский), одеждой, образом жизни, бытом. Так, если раньше одежда русского барина отличалась от крестьянской только богатством ткани и вышивки, то теперь отличия стали принципиальными – барин стал «чудом заморским» для своих подданных. Не зря позже этот период назвали эпохой «обмирщения» русской национальной культуры.

Другими важным новшеством Петра стала языковая реформа, в результате которой число букв в русском алфавите сократилось до 38-ми, их начертание упростилось и округлилось. Были отменены силы (сложная система диакритических знаков ударения) и титла – надстрочный знак, позволявший пропускать в слове буквы. В дальнейшем император ввел в оборот так называемый гражданский шрифт, который стал письменным и литературным, постепенно вытеснив из массового оборота прежний церковный вариант. Все это имело явную отсылку к латинской традиции и было не просто формальным решением, а демонстрировало сам дух преобразований Петра, его глубоко западнический образа мысли.

Реформы в сфере экономики были направлены на заимствование и адаптацию к русской реальности новейших технических средств Западной Европы, что сопровождалось бурным ростом промышленности, в частности стали появляться многочисленные мануфактуры, организованные по западным принципам. В ходе европейской модернизации стало развиваться предпринимательство и появились элементы рыночных отношений, которые, впрочем, так и не были развиты до европейского уровня из-за отсутствия рынка собственности, малого числа независимых предпринимателей (монополии), отсутствия рынка свободной рабочей силы и недостатка живого капитала (только финансирование из бюджета).

Существенное влияние на трансформацию русской цивилизационной идентичности оказали и территориальные приобретения государства при Петре: Россия вышла не только к Балтийскому морю, но и включила в свой состав огромные территории, примыкающие к Черному и Азовскому морям, Северный Кавказ, а также распространила свое влияние на Закавказье. В последствии Сибирь и Дальний Восток стали органичной частью страны. Территориальное расширение, в частности, означало, что в орбиту российской истории вошли народы, исповедующие другую религию и живущие по отличным от русской традиции принципам.

Внутренние преобразования Петра позволили добиться многих позитивных сдвигов в экономической, социальной, политической и культурной сферах жизни России, осуществить модернизацию и защититься от угрозы со стороны стран запада. Был дан мощный импульс развитию отечественной промышленности, созданы боеспособная армия и флот, заложены основы светской российской культуры и системы образования. Был сформирован рационально действующий государственный аппарат европейского типа. В этом смысле кризис Московской Руси и петровские реформы, с одной стороны, позволили России осуществить модернизацию, преодолеть системный кризис и защититься от угрозы со стороны стран запада, с другой стороны, Петр внес насильственные изменения в ядро русской цивилизационной идентичности, заменив структурные компоненты русской цивилизации на чужеродные и осуществив тем самым «цивилизационную революцию».

Приведенные в качестве примера события отечественной истории (монгольское нашествие на Русь и реформы Петра Великого) отличает тот факт, что на каждом из перечисленных исторических этапов происходила трансформация привычного культурного-исторического организма социума, того самого набора характеристик, определяющих сущность цивилизационного проекта, его цивилизационной матрицы. Оказавшись под влиянием чужаков, в силу внешних или внутренних причин, русский социокультурный организм по-разному реагировал на кризисы: в одном случае сохранял ключевые компоненты своей цивилизационной матрицы, преодолевая вызовы эволюционным путем, в другом – совершал так называемую «цивилизационную революцию».

Таким образом, говоря о критериях понятия «цивилизационная революция», мы подразумеваем под ним насильственную ломку прежнего цивилизационного уклада и продвижение принципиально нового цивилизационного проекта, которая сопровождается изменением отдельных элементов цивилизационной модели развития. При этом важным условием для осуществления «цивилизационной революции» выступает такое состояние культурно-исторического организма (кризис), при котором дальнейшее существование отдельно взятого цивилизационного проекта невозможно в его прежнем виде.

Список используемой литературы

1. Шепелев М.А. Великая русская цивилизационная революция как первый глобальный индигенизационный проект // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2018. – № 4. С. 120–133.
2. Плебанек О.В. Цивилизационная матрица как категория геополитики // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2011. Том: 12. Вып: 1. – С. 106–114
3. Ревякин Е.С. Русская революция в социологической концепции П.А. Сорокина // Вестник ИГЭУ. – 2008. Вып: 1. – 1 с.
4. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России / В.И. Кондаков // Вопросы социальной теории. – 2010. Том: 4. – С. 282–304.
5. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана (взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока) // Вестник Московского университета. Филология. – 1991. № 4 (Серия 9). – С. 33–78.
6. Назаров В.К. Татаро-монголы и становление русского государства // Евразийский контекст. – 2018. – № 4. – С. 21–24.
7. Савицкий П.Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий / – М.: АГРАФ.– 2007. – 413 с.
8. Данилевский Н.Я. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. / – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, Издательство «Глаголь». – 1995. – 552 с.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории / В. О. Ключевский / – М.: Альфа-книга. – 2019. – 101 с.

Khomich I.I.

THE PROBLEM OF DEFINING THE CRITERIA FOR THE CONCEPT OF "CIVILIZATION REVOLUTION"

Annotation: The article presents the results of the study of the problem of defining the criteria of the concept of "civilizational revolution". The relevance of the work is determined by the ongoing process of transformation of individual and collective identity at the present stage of historical development, one of the radical forms of which is a "civilizational revolution", and also by the fact that in the conditions of formation of a multipolar world violent forms of breaking civilizational identity act as a form of confrontation between states in the struggle for world domination.

The conclusion is argued that by "civilizational revolution" we mean a violent breakdown of the former civilizational order and the promotion of a fundamentally new civilizational project, which is accompanied by a change in the individual elements of the civilizational model of development. An important condition for the implementation of "civilizational revolution" is such a state of cultural-historical organism (crisis), in which the further existence of a single civilizational project is impossible in its former form.

Keywords: *civilization, civilizational revolution, civilizational identity, civilizational matrix, civilizational project*

References

1. Shepelev M.A. Velikaya russkaya civilizacionnaya revolyuciya kak pervyj global'nyj indigenizacionnyj proekt [The Great Russian Civilization Revolution as the First Global Indigenization Project]. 2018, №4, pp. 120–133.
2. Plebanek O.V. Civilizacionnaya matrica kak kategoriya geopolitiki [The Civilization Matrix as a Category of Geopolitics]. 2011, pp. 106–114.
3. Revyakin E.S. Russkaya revolyuciya v sociologicheskoj koncepcii P.A. Sorokina [The Russian Revolution in the Sociological Concept of P.A. Sorokin]. 2008, 1 p.
4. Kondakov I.V. Civilizacionnaya identichnost' Rossii [Russia's Civilizational Identity]. 2010, pp. 282–304.
5. Trubeckoj N.S. Nasledie CHingiskhana [Genghis Khan's Legacy] (vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka) [(a view of Russian history not from the West but from the East)]. 1991, №4, pp. 33–78.
6. Nazarov V.K. Tataro-mongoly i stanovlenie russkogo gosudarstva [Tatar-Mongols and the formation of the Russian state]. 2018, №4, pp. 21–24.
7. Savickij P.N. Kontinent Evraziya [Eurasia Continent]. Moscow, AGRAP, 2007, 413 p.
8. Danilevskij N.YA. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu [A View of the Cultural and Political Relationship of the Slavic World to the German-Romanic World]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, Glagol Publishers, 1995, 552 p.
9. Klyuchevskij V.O. Kurs russkoj istorii [A Course in Russian History]. Moscow, Alpha-Book, 2019, 101 p.

Сведения об авторе:

Хомич Игорь Игоревич – аспирант кафедры политических наук и международных отношений, направление: «политические науки и регионоведение», г. Симферополь, Таврическая академия Крымского федерального университета

Khomich Igor Igorevich - PhD student of the Department of Political Sciences and International Relations, direction: "Political Sciences and Regional Science", Simferopol, Tauric Academy of the Crimean Federal University